

Сокровенный дар

Почти двести лет назад Евгений Боратынский писал опальному Пушкину в Михайловское: «Нам очень нужна философия...». А чуть позже поэты-любомудры — Веневитинов, Хомяков, Шевырёв, Тютчев — даже предложили своеобразную программу новой философской поэзии. И ещё не раз делались попытки подобного рода, например, Заболоцким в начале XX века. Поистине — ничто не ново под поэтической Луной... Очередную попытку в этом направлении в наше время сделал Игорь Ушаков в своей второй книге стихотворений, и похоже, она удалась

У неискущённого читателя название книги «Сретенский вертоград», то есть Райский сад, где происходят главные судьбоносные встречи, может вызвать вопросы. Хотя возможны и другие трактовки названия, которое перекликается с одной из первых русских поэтических книг «Вертоград многоцветный» (1678) Симеона Полоцкого. Но не будем увлекаться трактовками, ибо, на мой взгляд, «Сретенский вертоград» звучит прекрасно, а посему вернёмся к Боратынскому, а значит, к поэту Игорю Ушакову.

Увлечение Игоря Ушакова стихами Боратынского отчётливо заметно — и отчётливо положительно сказывается на его творчестве, ибо ему как большому учёному ведомо, что раствориться в чужой гениальности легко, а остаться самим собой во сто крат сложнее. Мне кажется, что именно последнее поэту Игорю Ушакову как раз и удаётся. В преодолении он не только не теряет своё самостояние, а наоборот, полнит его. Пожалуй, своеобразным эпиграфом к новой книге могли бы являться великолепные самоироничные строки Евгения Боратынского:

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле моё
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдёт далёкий мой потомок...
(1828)

И неслучайно некоторое разочарование автора «Сретенского вертограда» в нравственности столпов современной науки (замечит, что Игорь Борисович Ушаков — профессиональный учёный, генерал-майор медицинской службы, академик РАН) приводит его к поиску ответов на главные вопросы бытия, которые, по большому счёту, безответны. В этой безответности всегда есть некие направления, как сейчас говорят «тренды», то есть постижимое в непостижимом.

Эти вопросы наиболее чётко сформулированы поэтом в стихотворении «Вопросы Создателю»:

Незримая вечность — всевидящий Бог,
Ты ведаешь тайны, грядущее знаешь,
Скажи мне скорее, в чём главный итог?
Ведь ты никогда ничего не скрываешь!

Скажи и про зло,
ведь оно сплошь и рядом,
Неужто победы над ним не узнать?
Неужто мирское пронизано адом,
И можно ли грех нам простить и понять?

Складывается впечатление, что автор всё время стремится двигаться к «позиции мысли», которую он, безусловно, считает главным своим творческим делом. Оно усиливается и уплотняется после прочтения его «стихов в прозе», составляющих весомую часть новой книги.

Автора в каком-то смысле «прорвало» от обилия научно-поэтических аналогий и он порою «срывается» в психологический анализ природы и человека, забывая — кто же он по большому счёту: учёный или поэт? Допускаю, что эта счастливая противоречивость поможет Игорю Ушакову в будущем создать новые яркие произве-

дения. Но осмелюсь сделать прогноз: она будет одновременно препятствовать ему в поисках новых поэтических глубин бытия земного.

Отметим, что увлечение российских учёных поэзией было исторически традиционным. Вспомним хотя бы великого Михаила Ломоносова с его почти формульными обобщениями трудных научных понятий в поэтических образах, например Космоса:

...Открылась бездна звёзд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
(1743)

Так что поздравим поэта и учёного Ушакова с его поступательным мыслительно-поэтическим процессом. Впрочем, Страна Поэзия это не только пир мысли, но и праздник чувств. А вот праздника порой и не хватает в стихах Игоря. Хотя можно упомянуть и «За стойкость мечты и стояние мачт...», и ряд других лирических произведений раздела «Любовь — это вечность». Один только пример из стихотворения «Любовь — мой добрый ангел...»:

Любовь, любовь — земное счастье,
В нечистом свете падших грёз,
Рассей на миг души ненастье,
Убереги от горьких слёз.
Любовь, о, если б только знала,
Как ты меня в огне спасала!

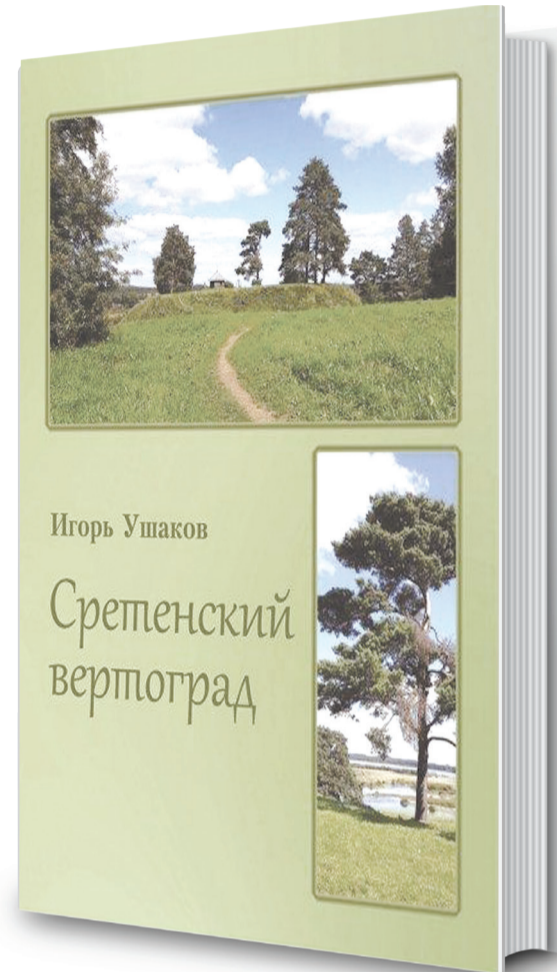
Хочется надеяться, что в грядущем аскетическое служение поиску истины у талантливого автора «Сретенского вертограда» не обратится в самоцель.

Напомним поэту и про известное философско-религиозное противоречие. Ведь в библейской истории вкушение плодов от древа познания добра и зла — это первое её событие, и событие это связано с грехопадением! Впрочем, познание познанию рознь! И Ушаков-учёный, и Ушаков-поэт, похоже, не путают эти вещи. Это ярко проявилось в страстных, откровенных строчках стихотворения «Се человек!»:

Бог, царь, палач и жертва —
Всё это человек,
Настигнет смерти жатва,
Как короток твой век!
Ты управляешь миром,
Судьба творит тебя,
Являешься кумиром —
Вселенское дитя.
Рождает мир открытый
И маешься грехом...
Крут каверзных событий
Во времени лихом.
Ты в будущее смотришь —
И прожитым живёшь.
Чего ты всё же стоишь
Средь лицемерных рож?

Тема Веры в высший Промысел, в справедливость неминуемого Страшного Суда и общую будущую победу добра над злом очень важна в поэтике Ушакова. Исходная картина рисуется им в стихотворении «Сцена жизни»:

А сцена эта — наша жизнь,
Темна дорога — ложь и лужи,

Мечты красивые отринь —
Ты никому сейчас не нужен.

Каков же неизбежный результат «гrehовных игр» на этой сцене, по мнению поэта? Он вполне очевиден и закономерен в философской миниатюре «Цена мудрости»:

Начнётся жизнь совсем другая,
Узнаем, что творили мы,
В несчастьях сполна страдая,
Мы станем мудрости полны.

Проблема взаимоотношения науки и поэзии является чрезвычайно интересной и традиционной в русской литературе. Вспомним В.Г. Белинского: «Поэзия и наука тождественны, если под наукою должно разуметь не одни схемы знаний, но сознание кроющейся в них мысли. Поэзия и наука тождественны, как постигаемые не одною какою-нибудь из способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовного существа, выражаемого словом "разум"»¹. Весьма кратко, но ёмко сказал об этом и крупный теоретик словесности А.А. Потебня: «Поэзия есть одна из двух форм познания при помощи слова»².

Завершим представление новой книги Игоря Ушакова точными и сегодня словами его мудрого предшественника, академика и генерала Е.Н. Павловского из его прекрасной книги «Поэзия, наука и учёные» (М.—Л.: АН СССР, 1958. С. 89): «Связь научной деятельности учёного с поэтическим творчеством в нашу эпоху является сугубо интимной. Характер этой связи определяется талантом или степенью способности учёного слагать стихи, вне зависимости от его специальности. Это прежде всего "лирика для себя". Поэту многие из таких учёных, врачей-поэтов не стремятся к опубликованию своих стихов...».

Можно искренне порадоваться, что Игорь Ушаков, наконец, начал «доставать из стола» некоторые свои ненаучные творения и стал понемногу публиковать оригинальные поэтические мысли. Пожелаем

ему успехов в этом нелёгком деле. Конечно, поступая так, он «снимает забрало» и оказывается под критическим прицелом ортодоксальных учёных, с одной стороны, и армии стихотворцев и поэтов — с другой. Но это не страшно! Тем более не страшно для представителя экстремальной физиологии и медицины, которой он занимается уже пятое десятилетие! Что такое риск в жизни — он знает не понаслышке. Думаю, ему поможет на этой тернистой дороге и та «Неведомая Сила», которую он уже ощутил и о которой прекрасно написал в конце XIX века профессор зоологии и сравнительной анатомии Военно-медицинской академии Николай Александрович Холодковский. Это был известный лингвист и признанный переводчик Шекспира, Шиллера, Байрона и Гёте (Российская академия наук в октябре 1917 года за перевод «Фауста» присудила ему главную премию А.С. Пушкина при наличии в конкурсе двадцати других текстов!). Вот его замечательные слова:

Благодарю тебя, Неведомая Сила,
Что песен чудный дар
ты в душу мне вложила,
Что сокровенные мелодии души
Умеет выразить мой стих,
живой и ясный,
Что мысли тайные, рождённые в тиши,
Я передать могу в гармонии согласной.
(«Ночью», 1880).

На этом и завершаю представление необычной книги необычного поэта. Вертоград состоялся... Это воистину Сретенский вертоград, он в душе моей — и никакие жестокие вихри наших смутных времён не смогут заглушить его сокровенные, чистые песни.

И что сказал, то сказал!

Лев КОТЮКОВ,
председатель правления
Московской областной организации
Союза писателей России,
лауреат Международной премии Святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия

¹В.Г. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова // Сочинения, часть IV, издание 5-е. М., 1891. С. 247.

²А.А. Потебня. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1914. С. 99.